

Глава 118. Грандиозная сплетня

С каких пор это началось?

Может быть, с того мгновения, когда в его мир вдруг ворвался чисто-белый пушистый комочек, от которого исходил сладкий запах, от которого становилось спокойно.

Может, с их первой встречи в павильоне Цанхай — с яркой веточкой цветов в его волосах и взлетающим подолом.

А может, с того мгновения, когда изначальное духовное пламя без всякого предупреждения потянулось к юноше, так открыто появившемуся в павильон Цанхай, и он сам пошёл вслед за пламенем, будто увидел, как тишину ночи прорывают фейерверки, а сердце невольно забилось быстрее.

Или с того, что во дворце Гуанлин никогда не было внешнего ученика по имени Фу Тан, и всё же никому этот юноша не казался чужим.

С того, как в жемчужине-нахай отыскалась совершенно бесполезная мазь, которой рядом с ним попросту не могло быть.

С того, что незнакомая речь юноши, долетая до его ушей, почему-то сама собой превращалась в понятные слова.

Сквозь пёстрые тени листвы струился солнечный свет, а он видел тусклый, мёртвый край вечной ночи — и в нём слабый лучик света...

Фу Линцзюнь медленно прикрыл глаза.

Хотя юноша появился в его мире совсем недавно, слишком многое в нём нарушило привычный покой его жизни и неотступно тянуло его сердце в другую, странную сторону.

— Кто же ты... на самом деле, — пробормотал он.

И звучало это не столько как вопрос к ошеломлённому юноше, сколько к самому себе.

После пробуждения от того кошмара душу волна за волной пронзала боль, а тело налилось тяжёлой усталостью. Фу Линцзюнь хотел отдохнуть, но две памяти, хлынувшие ему в голову, переплелись между собой и будто рвали его мысли в клочья.

Слушая эти слова, Цзян Тан чувствовал, будто невидимые руки раз за разом сжимают ему

сердце. Оно ныло и болело.

В Бездне мстительных душ он видел короткие, но прекрасные воспоминания Фу Линцзюня, а когда их души соприкоснулись, он обнимал тот острый, беспокойный, колючий дух, полный ненависти и раскаяния. Он знал, в чём отчаяние Фу Линцзюня, и понимал, насколько жестока эта иллюзия.

Прирождённый верховный Фу Шэн из дворца Гуанлин должен был быть самой чистой луной на свете, несравненным талантом. У него должны были быть любимые, прекрасные родные и друзья, спокойная и счастливая жизнь.

— Я... Цзян Тан, — глядя прямо на своего любимого, произнёс он, выговаривая каждое слово.

Это имя полностью совпало с тем юношей из сна и всякий раз, когда Фу Линцзюнь стоял на краю нового срыва, протягивало руку и вытаскивало его обратно в мир живых.

В этом горьком кошмаре он был единственной сладостью.

Фу Линцзюнь крепко сдвинул брови. Его ресницы дрожали без остановки, будто он изо всех сил что-то подавлял.

И без того бледное лицо теперь походило на тончайший фарфор, готовый в любой миг треснуть: хрупкий, осыпающийся.

— Ты... вспомнил меня? — осторожно спросил Цзян Тан, поднялся с пола и медленно шагнул к нему.

Но в ответ слышал лишь ледяное:

— Выйди.

Рука, которой Цзян Тан хотел к нему потянуться, замерла в воздухе и медленно опустилась.

Он не позволял ему к себе прикоснуться.

Фу Линцзюнь не хотел себе этого простить.

— Я просто побуду здесь... рядом с тобой, хорошо? — остановившись, Цзян Тан присел у постели. Коснуться он не решался, но и уходить не хотел.

Фу Линцзюнь так и не открыл глаз. От него исходил пронизывающий холод — словно от

обнажённого клинка, ранящего всякого, кто подойдёт слишком близко.

— Не заставляй меня повторять в третий раз. Выйди.

Если бы Цзян Тан сейчас был пушистым зверьком, его мягкие ушки наверняка бы поникли.

Он шмыгнул носом. Рука, желавшая коснуться Фу Линцзюня, колебалась долго-долго, но в конце концов так и не протянулась вперёд.

Глаза ни на миг не хотели отрываться от Фу Линцзюня, а вот тело всё-таки послушно пошло к выходу.

Он уходил, оглядываясь на каждом шагу, и в чисто-белой душе вздымалась тоскливая синева.

Синий становился всё темнее — из спокойной озёрной воды он превращался в небо перед дождём.

Точно так же, как тогда, когда Фу Линцзюнь выгнал его из долины Тяньбэй.

Фу Линцзюнь сидел с закрытыми глазами, но вовсе не был слеп к тому, что происходило вокруг. Он «видел», как юноша уходил, а в синеве его души проступала безнадежная серость, и сердце у него пронзало болью снова и снова.

Бледная рука не удержалась и легла на грудь.

Именно там, из-за собственных слов, он и расплачивался теперь этой пронизывающей болью.

Он открыл глаза, посмотрел на закрывшуюся дверь покоев, и оттого, что юноша ушёл, его брови только сильнее сошлись к переносице.

— Значит... я и правда так сильно тебя любил.

Его пальцы сжались ещё крепче.

Ткань на груди смялась — совсем как спутанные в комок мысли на сердце.

* * *

Цзян Тан понуро вышел за дверь и неожиданно столкнулся с Фу Син и Фу Юэ, которые в какой-то момент опять вернулись сторожить снаружи.

Глаза у Фу Сина так и сияли. Она тут же дёрнула Цзян Тана в сторонку, прикрыла рот ладонью и зашептала:

— Тан-Тан, Тан-Тан, давай скорее рассказывай, что тут вообще происходит?

Цзян Тану было до ужаса обидно.

Он думал: как только Фу Линцзюнь поймёт, что всё это сон, они вырвутся из западни этой иллюзии и вернутся в реальность. Но, как оказалось, он ошибся. Их держала здесь не только сама иллюзия, но и одержимость Фу Линцзюня.

Вообще-то он мог это понять. Но понимать — это одно, а вернуться в реальность — совсем другое! Чем глубже Фу Линцзюнь будет тонуть в этом сне, тем сильнее его душа станет цепляться за него и не захочет уходить. А так он умрёт!

Цзян Тан не хотел, чтобы Фу Линцзюнь умирал.

— Я... нашёл ядовитую траву, — бессильно вздохнул он и, с трудом приободрившись, ответил Фу Сину: — С господином Юйанем всё в порядке.

Но, услышав это, Фу Син не проявила ни малейшего интереса. Она энергично замотала головой:

— Нет-нет, я не об этом! Я хочу спросить: почему ты спал в покоях господина Юйяня? Вы... вы вчера ночью, случайно, не... кхм. Ну пожалуйста, Тан-Тан, мне правда ужасно любопытно!

Фу Син была настолько безнадежно падка на сплетни, что Цзян Тан, всё ещё кипевший в собственной обиде, не сразу даже понял, о чём она вообще. Лишь спустя добрую паузу тупо переспросил:

— А?

— Вы что, давно уже вместе?

— Это когда началось? Ещё когда ты был внешним учеником?

— Господин Юйань специально придумал повод взять ученика, чтобы привести тебя домой?

— А раньше, когда он тебя наказывал, это тоже было просто для вида?

— Вы ведь наверняка за нашей спиной тайком разговаривали в Водной Беседке в Облаках?

— И ты ещё за семь дней сумел найти ядовитую траву, способную спасти господина Юйяня... Так, значит, в книгах всё правда! В Люхэ и вправду бывает такая любовь, что и небо, и землю растрогает! И это случилось прямо у меня на глазах, у-у-у!

Фу Син вывалила на него целую корзину слов одним духом, как будто рассыпала горох, и Цзян Тан окончательно онемел.

Ему уже было не до обиды. Теперь он просто хотел понять, как за одно-единственное утро Фу Син успела додуматься до такого количества странного бреда.

— Не говори ерунды! — Цзян Тан украдкой обернулся на плотно закрытую дверь покоев. — Ничего такого... нет.

Но Фу Син лишь приподняла бровь и с улыбкой сказала:

— Да ладно тебе стесняться. Все уже знают.

У Цзян Тана нехорошо ёкнуло внутри:

— Все — это кто?

Фу Син слегка смущённо облизнула губы:

— Ну... я просто хотела спросить у других, в курсе ли они. А потом как-то само пошло: один сказал десяти, десять — сотне...

— ...

Цзян Тан почувствовал, что у него начинает пухнуть голова.

— Иди спроси господина Юйяня, — не выдержал он. Решив уж разбиться, так вдребезги, он вырвался из-под напора её сплетен и сбежал обратно в павильон Ланьси.

Сначала он просто распластался на кровати, а потом принялся вертеться с боку на бок, словно блин на сковородке.

В голове была сплошная путаница. То вспоминались сериалы с амнезией после аварии — та самая собачья мелодрама, где забывают самого любимого. То приходила в голову сцена, где потерявший память вдруг всё вспоминает и крепко обнимает возлюбленного, и они мирятся.

По идее, сценарий же должен был быть именно таким, разве нет? Но то, с чем столкнулся он,

явно было куда сложнее. А с его собственной бедной головой понять, что теперь делать, он просто не мог.

И Цзян Тан прокатался по постели, как блин по сковородке, до самого вечера.

Лишь под закат во дворе слышались шаги.

— Тан-Тан, Тан-Тан! Господин Юйань тебя ищет, ну давай, хватит прятаться! — тревожно крикнула из-за двери Фу Син. Впрочем, кроме тревоги, в её голосе было полно и сплетнического азарта.

Стоило Цзян Тану услышать имя господина Юйаня, как голова у него сразу заболела ещё сильнее.

— Иду, — без сил откликнулся он, сел и стал обуваться.

Одежда и волосы у него растрепались от бесконечных переворачиваний на постели, но ему было совершенно всё равно. Так и пошёл — с взлохмаченной головой.

Он толкнул дверь и вошёл.

Фу Линцзюнь сидел у стола возле окна. Ещё не подойдя, Цзян Тан почувствовал резкий запах вина.

Полы его одежд на груди были чуть распахнуты. Он опирался на стол и пил, выглядя одновременно подавленным и растрёпанным. Широкий рукав намок от вина, и вышитые на нём тёмные облачные узоры то проступали, то исчезали в складках ткани.

Цзян Тан невольно нахмурился.

Он никогда прежде не видел, чтобы Фу Линцзюнь доводил себя до такого вида.

Фу Линцзюнь запрокинул голову и поднял чашу. Холодное вино стекло вниз по горлу. Осушив её, он толкнул кувшин по столу и поднял взгляд. В его глазах цвета цветущего персика будто скрывалась целая небесная река, усеянная звёздами.

— Ты пришёл? — он изогнул губы в бледной и болезненной улыбке.

Спрятанная в рукаве рука Цзян Тана невольно сжалась, но он ничего не сказал.

— Как ты меня спас? — Фу Линцзюнь полностью утратил ту остроту, что была в нём утром, и

теперь походил на ленивого пьяницу. — Глава секты Хуаньюнь сказал, что если за семь дней не найти ядовитую траву, способную меня спасти, я уже не проснусь.

— Просто повезло, — раздражённо буркнул Цзян Тан.

Фу Линцзюнь смотрел на него будто с улыбкой, но в этой улыбке смешалось слишком многое — что-то тёмное и сложное, словно подводное течение. Разобрать было невозможно.

Он снова залпом осушил чашу. Движение вышло грубым, и вино тонкими струйками стекло с подбородка вниз, пропитывая приоткрытый ворот.

— Ты пробовал одну траву за другой, верно? — голос у него был тихий, мягкий, словно он касался особенно дорогого воспоминания.

В той лишённой солнца долине Тяньбэй маленький зверёк, приблизившись к нему, заботливо вылизывал его раны. Он хотел исцелить его собой, но в итоге отравился его кровью и пролежал без сознания целые сутки.

Кровь благоприятного зверя способна нейтрализовать сотню ядов. Он сам пил свою кровь и помнил её вкус и силу яда.

Если не спать ночами и без конца пробовать яды на себе, так будет куда быстрее, чем ждать Му Фаньюаня.

Цзян Тан всё равно не хотел разговаривать. Он просто стоял и смотрел, как Фу Линцзюнь пьёт. Чашка за чашкой. Кувшин за кувшином.

Винный аромат пропитал всю спальню пьянящим благоуханием. Цзян Тан плохо держал спиртное — ему казалось, что он вот-вот опьянеет от одного запаха.

Наконец, после долгого питья, Фу Линцзюнь остановился.

— Ты можешь помочь мне с одним делом? — на его лице появилась мягкая улыбка. Он был точь-в-точь таким, каким Цзян Тан видел господина Юйяня множество раз: прямой и благородный, словно ясная луна.

Но это был не тот, кого он любил.

От этого в сердце у Цзян Тана стало только кислее и тревожнее.

— С каким?

Бледное, болезненное и в то же время прекрасное лицо словно в этот миг вспыхнуло ослепительным светом. Он сидел у окна, и мягкое золотистое солнце ещё сильнее подчёркивало безупречные черты.

— Сходи со мной в демоническую бездну, — сказал он.

<http://bllate.org/book/17032/1723105>